

УДК 94(47)+75.071.1(470)

doi 10.17072/2219-3111-2024-3-197-213

Ссылка для цитирования: Орлова Г. А. Голубь Курчатова: фигурации (пост)советского ядерного миролюбия // Вестник Пермского университета. История. 2024. № 3(66). С. 197–213.

ГОЛУБЬ КУРЧАТОВА: ФИГУРАЦИИ (ПОСТ)СОВЕТСКОГО ЯДЕРНОГО МИРОЛЮБИЯ¹

Г. А. Орлова

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 105005, Россия, Москва,
ул. Старая Басманная, 24/4, стр. 1

gaorlova@hse.ru

Scopus AuthorID: 230249

SPIN-код: 7041-5855,

Статья посвящена риторическим, политическим и этическим запутанностям века атома, воплотившимся в новом понимании мира, ощущении хрупкости существования и ответственности за его сохранение. Отмечая эпистемологические вызовы изучения дискурсивного производства мира в СССР, долгое время воспринимавшегося в качестве одной из самых официозных и индоктринированных практик позднего социализма, автор анализирует не прямые переходы между этикой и пропагандой сквозь призму одного лозунга. Выражение «Пусть будет атом рабочим, не солдатом», появившееся в конце 1950-х – начале 1960-х гг. на транспарантах демонстрантов и стенах строящихся АЭС, а позднее распознанное в качестве высказывания научного руководителя атомного проекта Игоря Курчатова, стало советским атомным императивом и ключевой дискурсивной фигурой (пост)советского атомного миролюбия. Описывая фигурации лозунга в контексте противостояния двух систем, ядерной дипломатии и формирования глобальной повестки использования ядерной энергии в мирных целях, автор демонстрирует, как с помощью новых риторик СССР участвовал в борьбе за значение мирного атома и отстаивал свой моральный приоритет в пропагандистском использовании этого бренда. Фокусируясь на приключениях авторства высказывания, исследователь выявляет их связь с генеалогией морали и выработкой этической позиции, которую советский ученый-ядерщик должен занять между ядерной войной и мирным атомом, не располагая при этом дискурсивным аппаратом ядерной критики и самокритики. Особое внимание в статье уделено вкладу научного журналиста Владимира Губарева в ретроспективное восстановление авторства советского атомного императива. Создавая эту дискурсивную фикцию, один из главных летописцев Средмаша выполнял одновременно пропагандистскую и этическую работу.

Ключевые слова: мирный атом, холодная война, пропаганда, ядерная этика, ядерное возвышенное, социотехническое воображаемое, дискурсивная фигура, фигурации, дискурсивная фикция авторства, СССР.

Введение

Лозунг «Пусть будет атом рабочим, не солдатом» стал дискурсивной фигурой советского атомного миролюбия² и инструментом его пропаганды. В отличие от других способов риторического оформления борьбы за мир, этот пережил демонтаж СССР и его символического порядка, а в начале XXI в. приобрел добавочное значение и авторство. Размышляя над архивом эпохи об этих метаморфозах, рассмотрим устройство (пост)советского ядерного миролюбия сквозь призму одного лозунга.

Два мира, два императива

Рапортуя наверх о начале работы «первой в мире промышленной электростанции на атомной энергии» в 17 ч 30 мин 26 июня 1954 г., руководство отрасли оставило первенца советской ядерной энергетики без имени. Именем со временем стало указание на приоритет³, раскрывающее место первой в мире АЭС в технополитическом порядке холодной войны и научно-техническом соперничестве ядерных сверхдержав. Американские атомщики оспорили это самонаименование, вывесив табличку *World's First Nuclear Power Plant* в стенах Нацио-

нальной лаборатории Айдахо. В декабре 1951 г. здесь зажглись четыре лампочки на энергии деления урана, полученной в экспериментальном быстром реакторе EBR-1. То, что энергию не передали в сеть, позволило советской стороне настаивать на приоритете в ее промышленном использовании, отличающем АЭС от других ядерно-энергетических установок. О пропаганде своей станции в СССР задумались на фоне начала строительства объектов атомной энергетики в Великобритании, но особенно в США в сентябре 1954 г. (Записка В.А. Малышева, Б.Л. Ваникова, А.П. Александрова, Д.И. Блохинцева..., 2010, с. 218). Несмотря на сомнительное технологическое первенство, работу выполнили и, по сути, демонстрационный характер⁴, первая в мире АЭС стала материальной, темпоральной и дискурсивной опорой мирного атома в СССР. Ее макет демонстрировали в Женеве и на ВДНХ, на пульте привозили Индиру Ганди и Юрия Гагарина, а юбилеи отмечали с размахом, тиражируя светлые образы на марках и значках.

Впрочем, когда речь шла о мирном атоме, советская сторона ставила моральное превосходство едва ли не выше технологического первенства. Главред «Техники – молодежи» и член Советского комитета защиты мира писал в своем очерке, что вспоминает о детях Хиросимы, пострадавших от американской бомбардировки, когда видит макет первой в мире АЭС, созданный советскими детьми для Политехнического музея. Военному дебюту атомного века, провозглашенному американским генералом в 1945 г., Захарченко противопоставил отчет новой эры от мирного атома (Захарченко, 1955). Противостояние станции и бомбы⁵, структурировавшее советское ядерное воображаемое в логике левистроссовского мифа⁶, технополитически обосновывало противостояние мира и войны, надежды и страха, социализма и капитализма. Оно обуславливало национальную идентичность русских, которые не хотят войны, служило моральным алиби для атомщиков и блокировало рефлексию о пределах собственного милитаризма. Используя ко-производство ядерной технологии и социального порядка для доказательства преимуществ социалистической системы, СССР вступал в глобальную конкуренцию за право на мирный атом.

Формула «Пусть будет атом рабочим, не солдатом», преобразующая сложные технополитические отношения в ясную геометрию позиций, вошла в пропагандистский обиход на излете 1950-х. К этому времени СССР, испытав сахаровскую «слойку», уже поставил водородную бомбу на боевое дежурство. Научный руководитель атомного проекта прочел в Харуэлле историческую лекцию о термояде, пробившую железный занавес. Технократический XX съезд провозгласил ядерную энергетику, атомовозы и изотопы маяками на пути к созданию материальной базы коммунизма. А в цокольном этаже жилого дома на Ленинском проспекте столицы открыли магазин «Изотопы», сократив дистанцию до *доброто*, т.е. демобилизованного, атома. Футурист оттепели воспел его позднее (Мартынов, 1965, с. 306):

Добрый мир, который я люблю,
Ты недавно вышел из окопов.
Я тебе чего-нибудь куплю
В магазине изотопов.

На пике атомного оптимизма мировое сообщество рассчитывало с помощью атомной энергии накормить беднейшие страны, излечить неизлечимые болезни, получить материалы с невиданными свойствами и, конечно, достичь энергетического изобилия. Широко разделяемую уверенность людей середины XX в. в тождестве мира, прогресса и атома воплощал «Атомиум» – символ Международной выставки в Брюсселе. Наднациональным координатором мирного использования ядерной энергии и сокращения ядерного неравенства должно было стать МАГАТЭ. Создание международного атомного агентства было инициировано 8 декабря 1953 г. в речи 34-го президента США, адресованной Генеральной ассамблее ООН (Eisenhower, 1953).

Формулируя ядерный императив *Atoms for Peace*⁷, Дуайт Эйзенхауэр обратился к гражданам мира, выбирающим между ядерной войной и миром перед лицом глобальных угроз нового века и трагической бессмысленности гонки вооружений. Американский президент доказывал, что атом позволяет выбрать мир, но для этого «недостаточно просто забрать оружие из рук солдат. Его следует передать в руки тех, кто знает, как содрать с него военную обшивку и приспособить к делу мира» [Drogan, 2015]. Речь вызвала резонанс и повлияла на создание глобальных архитектур мирного атома. Что касается реакции советской стороны, то, по словам

биографа Эйзенхауэра, ее не было: «Русские безмолвствовали. Они не дали ответа ни тотчас, ни на следующий год, ни после. Международное агентство по атомной энергии учредили только в 1957 г.» (Ambrose, 1991, p. 352).

СССР участвовал в создании и работе МАГАТЭ. Однако об американской инициативе предпочитали не упоминать, а ее формулу не употреблять. Название рамочных конференций *Atoms for Peace*, организованных при поддержке ООН, переводили тяжеловесно, избегая попадания в след речи Эйзенхауэра, – «1-я Международная Женевская конференция по мирному использованию атомной энергии». Вот и правительственный наказ физикам, участвовавшим в 1-й Женеве, включал отказ от обсуждения советской позиции по МАГАТЭ (Указания делегации СССР..., 2010, с. 317). Превращение конференции в территорию «борьбы за *мирный атом*» в СССР признавали и в момент ее проведения, и позднее (Игонин, 1975, с. 61), сопротивляясь дискурсивной гегемонии американцев. *Мирный атом* и его уточненная классовая формула, вводящая в игру рабочего, которому можно доверить решение проблемы в стране социализма, стали ответом Эйзенхауэру.

Как (не) видеть мирный атом?

Если процесс выработки американского ядерного императива хорошо изучен⁸, то о возникновении советского дженерика мало что известно. Разрыв не объяснить только тем, что речь 34-го президента была правильно локализована, освещена и задокументирована, тогда как след советского атома, рабочего и солдата, теряется в ненаписанной истории советской ядерной пропаганды. Конъюнктура социальных ядерных исследований, складывающихся после распада СССР, в свою очередь способствовала появлению лакуны.

В те годы ядерная критика вскрывала заинтересованность «риторов холодной войны» в эфемерном разделении *плохого* и *хорошего* атома [Kinsella, Collins, Endres, 2005, p. 280]. Социотехнические основания для этого были. Скажем, на ранних этапах формирования атомной промышленности, сфокусированной на бомбе, необходимость отводить излишек тепла при наработке оружейного плутония стимулировала развитие энергетики. А изотопная промышленность возникла из запроса на переработку радиоактивных отходов, образующихся в реакторах. И даже в аббревиатуре атомного котла «АМ-1», установленного на Обнинской АЭС, за атомом мирным маячил атом морской, поскольку реактор проектировался, но не подошел для ядерной субмарины [Фролов, 2020, с. 55]. Сохраняя родовую связь с военными разработками, мирный атом был их побочным продуктом или некондиционным результатом.

По мере того как складывались глобальные архитектуры мирного атома, рамки его эмансипации раздвигались, а репертуары становились разнообразнее. Так, работы в области управляемого термоядерного синтеза по всей ядерной ойкумене рассекречивали после выступления Курчатова в Харуэлле, а текст доклада рассекретили, т.е. перевели из одной онтологии в другую, накануне поездки. Тогда как в инфраструктуру Объединенного института ядерных исследований, учрежденного весной 1956 г. как социалистический аналог ЦЕРНа, изначально был заложен отказ от секретных работ и технологий двойного назначения – рамочная фигура, делающая дубнинский атом мирным.

Мирный атом отделяли от военного на институциональном, экономическом, коммуникативном и риторическом уровнях. Атомные программы гражданского назначения скромнее финансировались. Ордынка, где размещалось Министерство среднего машиностроения, секретное атомное ведомство, в атомных иерархиях ставилось несопоставимо выше Старомонетного переулка, где находился Государственный комитет Совета министров СССР по использованию атомной энергии – ведомственный интерфейс мирного атома. Бомбоделы жили под секретом, а разработчики реакторов на быстрых нейтронах были открыты международному сотрудничеству.

Если же рассматривать мирный атом как императив, на первый план выдвигались вопросы опасности гонки вооружений и разоружения, пределов использования разрушительной технологии и ценности мира, возрастающей по мере осознания его хрупкости, а также социальной ответственности ученых. Эта повестка была сформулирована в манифесте Рассела–Эйнштейна в июле 1955 г. и положена в основу Пагуошского движения [Рыжов, Лебедев, 2005]. Меня ин-

тересует этическая работа, которую в отношении атома формально и неформально вели советские физики. Однако вместо того, чтобы изучать контролируемое уклонение главного дипломатического физика СССР академика Скобельцына от подписания манифеста Рассела⁹ или анализировать тревогу об атомном будущем человечества, пронизывающую дневники одного из ключевых советских докладчиков на 1-й Женеве Д.И. Блохинцева (Блохинцев, 2023), сосредоточимся на археологии одной дискурсивной фигуры и генеалогии ее атрибуции. Я покажу, как формула мирного атома вписалась в историю советского атомного проекта и изменила его дискурсивный ландшафт.

Нэнси Рис вспоминает, как искала новую тему для диссертации по антропологии в Москве в 1989 г., поскольку изучение советско-американских отношений в условиях холодной войны с ее окончанием теряло смысл [Рис, 2006, с. 28]. Вот и мирный атом, не успев стать темой ядерной антропологии или технополитической истории, был снят с повестки. Тех, кто изучал гражданские программы использования атомной энергии в СССР, интересовали сращивание коммунистической утопии с инженерными проектами [Josephson, 2005], автократия за фасадом атомоградов [Guth, 2015], технологическая и эпистемическая культура ядерной безопасности в советской энергетике [Schmid, 2015].

Что касается борьбы за мир, ставшей формой массового политического участия и одной из самых индоктринированных областей позднесоветской жизни, то ее трудно назвать темой, востребованной у исследователей. В середине нулевых Илья Калинин, собирая тематический номер «Неприкосновенного запаса» про брежневский СССР, предложил мне восполнить этот пробел. Тогда я записала интервью, погрузилась в периодику и архивы Фонда мира, произвела ревизию собственных воспоминаний о ярмарках солидарности и японских журавликах [Орлова, 2007]. Помню, как меня поразила масштаб разрыва между архивом и интервью. Если пенсионерка, в начале 1980-х переводившая 5 рублей с пенсии в Фонд мира, принимала и Фонд, и мир всерьез, то четверть века спустя было не вообразить, что эти материи хоть для кого-то имели значение во времена нашего детства. Идиосинкразия в отношении советского официального дискурса и всего, на что легла его тень, зафиксированная Алексеем Юрчаком [Юрчак, 2014], изменила социальные рамки памяти, заблокировав ретроспективное переживание значимости мира и причастности к борьбе за него у тех, кто родился в СССР, но больше не идентифицировал себя с ним¹⁰. Девальвация мира стала побочным эффектом демонтажа советского символического порядка еще и потому, что альтернативной формы миролюбия после распада СССР выработано не было¹¹.

Тимоти Джонстон, изучавший кампании борьбы за мир в СССР конца 1940-х – начала 1950-х гг., фиксирует скепсис и сопротивление, которые тема вызывала у коллег и десять лет назад. Те, кто пишут об антивоенном движении, изучают его в широком международном контексте, желательно – за пределами СССР, тогда как советский опыт «обсуждают с едва скрываемым презрением, настаивая на том, что это были пустопорожние риторические упражнения» [Johnston, 2014, p. 259]. Сам исследователь рассматривает кампании борьбы за мир как дискурсивные платформы, позволяющие участникам по-разному трактовать мир, переживая утраты недавней войны и проявляя свой пацифизм. Меня интересует элемент этой дискурсивной машины – использование, трактовка и ретроспективное восстановление одной дискурсивной фигуры из обоймы мирного атома.

Перекуем

Праздничный репортаж «Гудка» с Красной площади по случаю 42-й годовщины Октября – самое раннее из известных мне упоминаний советского атомного императива: «На автомашинах – макеты: огромный разливочный ковш с кипящим металлом. <...> Золотом отливают восьмиметровый колос пшеницы. Как бы устремленная в просторы Вселенной, проплывает модель космической ракеты с дымящим шлейфом газов. А рядом – небольшие причудливо соединенные между собой серебристые шарики – атомы. На алом полотнище слова: “Пусть будет атом рабочим, но не солдатом!”» (Москва ликующая, 1959).

В списке из 98 призывов, опубликованных «Правдой» за месяц до годовщины революции, атома не было. Внимание составителей было приковано к борьбе за мир (лозунги № 8–12, 41) и космосу (лозунг № 48). Спускаемые сверху и тиражируемые в наглядной агитации лозунги были манифестацией официального дискурса. Через «своеобразный политический документ, полный огромного действенного содержания, партия разговаривала с народом», диктуя ему константы мироустройства и включая в повестку «все наиболее знаменательное в нашей социалистической действительности» (Отклик миллионов сердец, 1959). Во второй половине года успехи космоса были более уместными и зрелищными. Третья лунная ракета (автоматическая межпланетная станция) показала обратную сторону Луны в канун красного дня календаря, тогда как атомоход «Ленин» в него не вписался. В опытную эксплуатацию Мурманскому пароходству его передали только 3 декабря.

В тот год призывы к борьбе за мир переносились на транспаранты прямо из новостной ленты. В сентябре Хрущев впервые посетил США по приглашению Эйзенхауэра, выступив на Генеральной ассамблее ООН с призывом перейти от вооружения к разоружению, чтобы «в течение четырех лет все государства осуществили полное разоружение и не имели больше средств ведения войны. Это означает, что перестанут существовать сухопутные армии, военноморские флоты, военно-воздушные силы, будут упразднены генеральные штабы и военные министерства, закрыты военные учебные заведения. Десятки миллионов людей вернутся к мирному созидательному труду. Военные базы на чужих территориях будут упразднены. Все имеющиеся в распоряжении государств атомные и водородные бомбы будут уничтожены. Энергия расщепляющихся материалов пойдет исключительно на мирные хозяйственные и научные цели» (Выступление Н.С. Хрущева..., 1959).

На фоне февральских решений внеочередного XXI съезда, обещающих создание материальной базы коммунизма к окончанию первой семилетки, четыре года, отведенные на воцарение всеобщего мира, воспринимаются как дальнейшая возгонка утопического импульса оттепели. Размещение больших проектов на линии осязаемого близкого будущего подпитывало социальный оптимизм, давало волю политическому воображению и позволяло нарабатывать мир посреди холодной войны. За неделю до ноябрьских торжеств Верховный Совет СССР, опираясь на хрущевские тезисы, обратился к парламентам мира с предложением о всеобщем разоружении. Через месяц Советский Союз передал в дар ООН скульптуру Евгения Вучетича «Перекуем мечи на орала»¹², продублировав свое послание в бронзе, а дар – в почтовых знаках. Неудивительно, что призывы к борьбе за мир возглавили список ноябрьских лозунгов.

Репортеры, освещавшие демонстрацию, выхватывали в потоке репрезентации космоса (Луну в ситцевом сарафане над колонной «Трехгорки») и борьбы за мир (живых голубей над макетом земного шара). Драматургию столичного шествия живописала «Вечерняя Москва»: «Рабочие типографии “Красный пролетарий” несут макет <...> книги “Жить в мире и дружбе”, рассказывающей об исторической поездке главы светского правительства Н. С. Хрущева в США. Сотни и тысячи раз в праздничном оформлении колонн повторяется слово “МИР”. Этой осенью оно стало особенно значимым и близким каждому человеку. Визит Н. С. Хрущева в Америку, предложение о полном и всеобщем разоружении вселили в сердца простых людей земного шара надежду на прочный и длительный мир. Над рядами демонстрантов красочные панно, изображающие фигуру рабочего, перековывающего меч на плуг <...> символ стремления народов к разоружению» (Военный парад и демонстрация на Красной площади, 1959).

Атомный императив технократического «Гудка», по сути, переводил это «перекуем!» на язык новой техники¹³.

Шаг к разоружению в действии СССР сделал уже 15 января 1960 г., приняв закон «О новом значительном сокращении Вооруженных сил СССР», предусматривающий увольнение в запас «хрущевского 1,2 млн». Выступая по этому случаю с поэтической речью в Верховном Совете, тамбовская колхозница Екатерина Андреева использовала атомный императив в качестве зачина и пускового механизма перековки: «Мы готовы на вечные времена прекратить производство атомного оружия. Пусть будет атом рабочим, а не солдатом, пусть он приведет в действие корабли, электростанции, тракторы, комбайны, а не несет людям смерть. Пусть мир-

ные плуги, перекованные из мечей, пахут землю для счастья и блага мирных людей. <...> Молоко – не горячее для ракет, а яйца – не атомные снаряды. Мы уверены, что в этом мирном соревновании победа будет за нами. <...> Мы хотим, чтобы воздух нашей планеты был насыщен ароматом цветущих садов, а не радиоактивной пылью. Мы хотим растить детей и навсегда устранить угрозу атомной смерти» (Заседание Верховного Совета СССР..., 1960).

На пропагандистскую генеалогию ядерного императива указывает траектория его распространения. Как кажется, к атомщикам он проник позднее, чем к колхозникам.

Если ядерных интуристов Тито и Сухарто в 1950-е гг. везли в Обнинск, то Фиделю Кастро показали Нововоронеж, где в 1964 г. пустили флагман большой атомной энергетики. Нововоронежскую АЭС, давшую первый миллиард киловатт за тринадцать месяцев, строили со словами «Пусть атом будет рабочим, не солдатом». На этот раз репортеры не упускали лозунг, разнообразием трактовок и локализаций превращая его в динамический объект. Он был «крупной надписью» на «жестком каркасе будущего реактора», огромным транспарантом на стене уже готового здания и даже «замечательными стихами» строителей, мечтающих о мире во всем мире (Скопин, 1960; Рубина, 1960; Чернышев, 1963). Спутав первую в мире АЭС с первой промышленной станцией, систематически вырабатывающей электричество на продажу, репортеры даже поместили лозунг туда, где его никогда не было, – на стену в Обнинске (Аграновский, 1964).

Нововоронеж был не единственной «первой промышленной электростанцией». В секретном Томске-7 в 1958 г. пустили Сибирскую АЭС с экспериментальным реактором двойного назначения, одновременно нарабатывающим оружейный плутоний и перерабатывающим отводимое тепло в электричество. Работа на войну была в приоритете: «Свет давали только на себя. Главное, вырабатывай плутоний» (Быков, 2020). Оператор Иван Пасынков, получивший распределение в Томск-7 в середине 1950-х гг., узнал о мирном атоме во время отдыха на черноморском курорте в 1963 г.: «Купил на вокзале журнал “Огонек”, открываю статью “Пусть будет атом рабочим, а не солдатом!”¹⁴. Заинтересовался, где такая стройка?» (Там же). Переехав в мирный Нововоронеж, эксплуатационник Пасынков воплотил в жизнь атомный императив.

Сообщение о пуске первой очереди Нововоронежской АЭС в главном журнале советских атомщиков дало официальную локализацию лозунга: «“Пусть будет атом рабочим, а не солдатом”, – написано на фронте главного здания Нововоронежской АЭС. И все, кто создавал эту станцию, вкладывали этот великий смысл в свой труд, в свои огромные многолетние усилия, затраченные на сооружение первенцев советской ядерной энергетики, делающей свой первый зримый вклад в строительство материально-технической базы коммунизма» (Синев, 1964).

Автором был Николай Михайлович Синев, зампреда Госкомитета по использованию атомной энергии, конструктор оборудования для обогащения урана, специалист по экономике АЭС и первый средмашевец, публично использовавший атомный императив. Его позиция добавляла веса декларациям о преобразовании мирного атома в коммунизм с использованием политэкономической сети из атомов, солдат, рабочих, слов, АЭС и труда.

Со стены АЭС лозунг шагнул на улицы атомных городов. В торце кирпичной хрущевки на ул. Сахарова в Дубне выложено «Атом не солдат, атом рабочий!». А на крыше девятиэтажки в Припяти установлены металлические буквы «Хай буде атом робітником, а не солдатом». Они различимы на фотографиях сталкеров и четверть века спустя после аварии на Чернобыльской АЭС, превратившей атомоград в призрак.

С конца 1950-х до середины 1980-х гг. повсюду – от отчета до плаката Владимирова «Пусть будет атом рабочим, а не солдатом» (1967) – у атомного императива нет автора. Между Чернобылем и началом века было не до лозунгов. Интерес к адаптации старых символов к новым обстоятельствам возник на волне ядерного ренессанса в середине нулевых. В России создали «Росатом», приняли ФЦП «Ядерные энерготехнологии нового поколения», воскресили энергетику будущего и восстановили репутацию Средмаша. Когда еще через десять лет расчехлили оружейные программы, возвели памятники руководителям отрасли и стали с государственным размахом отмечать юбилеи ядерных боеприпасов, лозунг вернулся. Теперь у него был автор.

В первых пробах авторство приписывали и Юлию Борисовичу Харитону («патриарху ядерных дел»), главному конструктору атомной бомбы, научному руководителю КБ-11), и Ана-

толию Петровичу Александрову (отцу атомной энергетики, соратнику и преемнику Курчатова, президенту АН СССР). Однако через критическую массу газетных очерков и телепередач по ядерной истории, атомных диктантов и заданий к ОГЭ авторство атомного императива было закреплено за Игорем Васильевичем Курчатовым. Но как встретились научный руководитель Атомного проекта, скоростно ушедший из жизни в феврале 1960 г., и лозунг, замеченный на демонстрации, звучавший с трибуны Верховного Совета СССР и украсивший стену еще не построенной АЭС?

Демобилизация физика

След ведет к научному журналисту Владимиру Губареву и его «Белому архипелагу Сталина» – компендиуму о создании советской бомбы, приуроченному к публикации архива Атомного проекта. Интегрируя в национальную атомную историю рассекреченные эпизоды, автор сбивает советскую разметку атомного века – отсчитывает его не от станции, а от испытаний РДС-1, «определивших судьбу России» (Губарев, 2004, с. 6). Изменение системы отсчета потребовало от автора новой отметки рождения мирного атома. Иначе пришлось бы признать, что советский проект, начавшийся с бомбы в 1949 г., до 1954 г. мало чем отличался от американского. Губарев затейливо и нелинейно обосновывал отличие: «Представление о том, что ученые и руководители страны были заняты только одним – созданием атомной бомбы – ошибочно. <...> Президент АН СССР академик С. И. Вавилов направляет И. В. Сталину подробные предложения об использовании ядерной энергии в технике, химии, медицине и биологии. <...> Заканчивался 1946 год. И. В. Курчатов еще не пустил свой реактор – это случится через две недели, но СМ СССР принимает Постановление № 2697-1113сс, которое определяет судьбу мирного атома. Это случилось 16 декабря 1946 г. “Пусть будет атом рабочим, а не солдатом”. Фраза Курчатова, сказанная им через десять лет, станет крылатой. Жаль, что нет возможности запускать время вспять, иначе великий ученый XX века должен был сказать ее именно в декабре 46-го, когда мирный атом начинал свою биографию» (Там же, с. 268).

Связывая в темпоральный узел крылатую фразу, великого ученого и судьбоносное событие, Губарев превращает декабрьское постановление в дебют мирного атома, дважды опережая бомбу. Во-первых, он указывает, что программа гражданских академических исследований составлена за две недели (точнее, за 11 дней) до пуска Ф-1 – установки, на которой отрабатывались узлы реактора для наработки оружейного плутония. Во-вторых, подчеркивает, что ее одобрили задолго до первых испытаний первого изделия и (что подразумевается) независимо от них. В изложении Губарева академическая версия рождения мирного атома выглядит более фундаментальной и эмансипированной от военных работ, чем поспешное строительство станции на базе корабельной установки.

Зачем же автор вклинивается в события декабря 1946 г. с атомным императивом из будущего? Подозреваю, что, не будь этого неловкого пассажи, ему вряд ли удалось избежать противопоставления Академии наук и Первого главного управления, Вавилова и Курчатова, открытых фундаментальных исследований и секретного пуска Ф-1, а в конечном счете – гражданских фундаментальных исследований и прикладных технологий военного назначения. Губарев уходит от бинарности, когда делает Курчатова актором, принадлежащим разом (пусть за счет создания искусственной складки времени) обеим онтологиям атома. Осталось определить среду, из которой «курчатовская фраза» была перенесена к условному истоку. Губарев мимоходом отвечает на этот вопрос в газетной статье о советской лунной программе, рассказывая, как Курчатов был потрясен увиденным при испытании термоядерного оружия. Тогда он произнес свою знаменитую фразу: «Теперь на бомбе можно нарисовать голубя мира, так как она сделала новую мировую войну невозможной. Пусть будет атом рабочим, а не солдатом!». И Курчатов начал поддерживать все направления развития мирного атома (Губарев, 2002).

Знаменитая фраза, увеличившаяся в размерах, становится реакцией научного руководителя Атомного проекта на испытание изделия РДС-37, так называемой сахаровской «слойки», 22 ноября 1955 г. Покуда не появится других авторитетных указаний на курчатовское автор-

ство, Владимир Губарев может считаться ключевым экспертом по атрибуции советского атомного императива.

По результатам погружения в электронный архив советской атомной отрасли на платформе *biblioatom.ru* я фиксирую два момента. Во-первых, рассказы об отцах-основателях, кочующие из воспоминаний разработчиков ядерного оружия в мемуары тех, кто стоял у истоков мирного атома, связывают разрозненные миры Средмаша общностью имени, биографии, поступка. Во-вторых, мне так и не встретился исторический анекдот о том, как и когда Курчатова произнес: «Пусть будет атом рабочим, а не солдатом»¹⁵.

В насыщенных подробностями мемуарах Сивенцева, выпускника физфака МГУ, работавшего в Двойке¹⁶ под началом Бороды¹⁷ с 1948 г., императива нет (Сивинцев, 2004). Но в популярной брошюре о судьбах атомной энергетики за авторством Юрия Васильевича прирученный императив усиливает авторитетное присутствие: «В наши дни, когда ядерная энергетика стремительно набирает темпы, мы вновь и вновь вспоминаем Игоря Васильевича, его заботу о том, чтобы “атом был рабочим, а не солдатом”» (Сивинцев, 1980, с. 76). На фоне воспоминаний о том, как Курчатова инициировал энергетические программы, создавал республиканскую сеть реакторов, ратовал за управляемый термояд, обходил по вечерам лаборатории, разбирал радиоактивные заторы в реакторе, катался на лодке, парился в бане, улыбался в бороду, устраивал розыгрыши и восклицал «С легким паром!», когда первая в мире АЭС дала первый атомный пар, понимаешь, что символические кавычки Сивенцева выполняют какую-то другую функцию. Не доказывая авторства и не будучи воспоминаниями, они создают монументальный образ учителя: «Надо ли говорить, что каждый реактор, АЭС, ледокол – это детище учеников главного атомщика нашей страны, академика Курчатова?» (Там же, с. 3).

Безымянный императив изредка встречается в ядерных мемуарах и публицистике. Его приспособливают – грамматически в том числе – к ландшафту речи и событий. Так, П. А. Журавлев рассказывает историю «своего атомного века», посвящая главу «Как делали атом рабочим, не солдатом» производственной прозе приборного завода «Тензор». Завод построили в городе ученых Дубне, где солдаты и рабочие были в меньшинстве. А главным демобилизуемым, очевидно, стал сам директор-мемуарист, двадцать лет жизни отдавший плутониевым комбинатам Урала и Западной Сибири, переоблучившийся и переведенный на «чистую» работу в город мирного атома (Журавлев, 2003).

В сахаровских «Воспоминаниях», бросающих вызов советской ядерной мемуаристике, ни искомой фигуры речи, ни сопутствующего пафоса не было. Однако Андрей Дмитриевич раскрыл связь двух элементов ядерного императива – атома и солдата. Размышляя о моральной ответственности разработчика термоядерного оружия, он признавался, что «чувствовал себя солдатом этой научно-технической» войны, когда создавал бомбу и инициировал ядерное сдерживание, основанное на «стратегическом равновесии, взаимном термоядерном устрашении» (Сахаров, 1996, с. 231). И тут же вспоминал о другом солдате: «Курчатова иногда говорил: “Мы – солдаты”, – и это была не только фраза» (Там же). Сахаров раскрывал разное понимание «солдатства» двумя физиками. Его солдатство позволяло решать научные задачи, этическую амбивалентность которых скрадывало благородство миссии – обеспечение обороноспособности страны в военном противостоянии нового типа. Тогда как солдатство Курчатова, данное через прямую речь, было родом мобилизации в советском стиле – тотальной интерпелляцией, которая не оставляет тому, кто призван, ни свободы, ни выбора. Самоидентификацию мобилизованного физика подтверждает один из руководителей атомной отрасли В.С. Емельянов: «Сам Игорь Васильевич называл себя солдатом. В спорах, в разговорах он часто повторял: “Я солдат”. Это я слышал не раз. Он даже записки иногда подписывал так: “Солдат Курчатова”» (Емельянов, 1988, с. 211). О том, была ли у этого солдата перспектива стать рабочим, мемуаристы, с которыми Владимир Губарев был знаком лично, не упоминают.

Моральная энергия взрыва

Следуя ориентирам Губарева, я изучила воспоминания о курчатовской реакции на полигонные испытания (термо)ядерных боезарядов. Между 1949 и 1955 гг., по данным военных, Бо-

рода лично руководил двадцатью «опытами» (Куликов, 2014). Фиксируя реакции научного руководителя проекта на три взрыва, участники и соратники использовали разные дискурсивные репертуары, когда конструировали субъективность физика и его практические добродетели.

Емельянов вспоминает о первом испытании советского ядерного оружия в августе 1949 г. Участники того опыта до последнего не знали, взорвется ли бомба и подтвердятся ли их расчеты, поскольку первым экспериментом должен был стать взрыв готового «изделия». Процессы были плохо изучены, а риски велики. На случай неудачи были готовы расстрельные списки, ставшие наградными листами. В одном из первых публичных рассказов об испытаниях Василий Семенович обтекаемо описывает взрыв, но подробно останавливается на реакции Курчатова: «Страна получила мощное оружие – надежную гарантию защиты завоеваний Октября. И в этот момент у Курчатова, находившегося на командном пункте, на какое-то мгновение нервы сдали. Игорь Васильевич бросился на шею к одному из стоящих рядом товарищей и зарыдал. Но быстро взял себя в руки и стал прежним Курчатовым – волевым, энергичным, деятельным» (Емельянов, 1979).

Для технократа холодной войны ценна помехоустойчивость создателя атомного щита, а его эмоциональная демобилизация является мимолетной человеческой слабостью.

Второй эпизод отсылает к испытаниям «модернизированной атомной бомбы» (вероятно, РДС-3) в 1951 г. Тогда Курчатов, довольный исходом «опыта», предложил молодежи КБ-11¹⁸ обдумать применение ядерных зарядов для поворота рек, создания озер, тушения нефтяных скважин. Виктор Жучихин, к которому эти слова были обращены, восстанавливает их и от этой сцены отсчитывает промышленное использование взрывов в народном хозяйстве: «Ребята, видите, какая силища, создаваемая атомом, расходуется зря. Ведь в военных целях вряд ли она когда-нибудь будет применена. Следует задуматься всерьез о применении ее в мирных целях» (Жучихин, 2007, с. 6). Курчатов в этой истории – наставник и рачительный хозяин, руководствующийся экономической целесообразностью социализма, чтобы поставить бездействующее оружие войны на службу миру.

Для третьего эпизода важен контекст. В интервью историку Атомного проекта физик-экспериментатор, знаток экстремальных состояний материи и вольнодумец Л. В. Альтшулер, четверть века трудившийся в КБ-11 над повышением эффективности взрыва, говорил об этосе разработчиков водородной бомбы. Сперва он припомнил, как один из руководящих физиков, вживаясь в роль ястреба, собирался «поразить врага в его логове» крылатыми ракетами. Не одобряя этого бездумного милитаризма, Лев Владимирович вернулся к истокам, чтобы поделиться ядерной притчей – краткой историей нравственного содержания – о Курчатове, бомбе и голубе: «В 1955 г. при испытаниях сахаровской «сверхбомбы» И. В. Курчатов на командном пункте, засыпанный мусором с остекленными глазами, сказал: “Теперь война невозможна. На корпусе каждой водородной бомбы следует нарисовать голубя мира”. И действительно, за прошедшие полвека третья мировая не началась» (Альтшулер, 1998, с. 328).

Сверхбомба мощностью «по огненному шару» в 1,6–1,8 мегатонн была первой водородной бомбой, сброшенной с самолета. С того взрыва, выбивающего из рациональности и утилитаризма, по словам Сахарова, началось его диссидентство: «Когда все это видишь сам, что-то в тебе меняется... И сам момент взрыва, ударная волна, которая несется по полю и прижимает ковыльные стебли, а потом подходит к тебе и швыряет на землю... Все это производит уже внеразумное, но очень сильное эмоциональное впечатление» [цит. по: Холловэй, 1997, с. 411].

Андрей Дмитриевич упоминает о нервном напряжении, пережитом тогда Курчатовым, Харитон – о его глубокой взволнованности видом «нулевой точки», Александров – о тяжелом впечатлении, сохранявшемся неделями. Правда, Анатолий Петрович считал, что дело было в 1953 г.¹⁹ (Александров, 1983, с. 24), но Дэвид Холловэй в своей истории Атомного проекта называет 1955 г. более вероятным моментом для курчатовского ответа на вопрос друга: «Анатолиус! Это было такое ужасное, чудовищное зрелище! Нельзя допустить, чтобы это оружие начали применять» [Холловэй, 1997, с. 411]. То, что испытание 1955 г. стало для Курчатова последним, говорит в пользу предположения американского ядерного историка. Потом были до-

клады на съездах о будущем энергетики, выступление в Харуэлле и усилия по созданию инфраструктуры мирного атома.

Голубь, а точнее, голубка Пикассо, в год испытания первой советской бомбы ставшая эмблемой 1-го Всемирного конгресса сторонников мира и символом миролюбия, фигурировала только в воспоминаниях Альтшулера, на полигоне отсутствовавшего. В 1950-е гг. противопоставление бомбы и голубя превратилось в антивоенное визуальное клише, позволяющее быстро и наглядно выразить противостояние сил войны и мира [Мамедова, 2013, с. 112–113]. Другое дело, что Альтшулер развел по этическим полюсам, обобщенным до плакатного образа, не геополитических противников, а советских разработчиков бомбы – прозревшего Курчатова и его последователя, опасно недальновидного.

Тот же конфликт положен в основу сахаровского рассказа о политической кульминации «опыта» 1955 г., закончившегося столкновением разработчика «слойки» с маршалом Неделиным. Ответом на умеренно антивоенный тост, призывающий взрывать изделия над полигонами и «никогда – над городами», было гробовое молчание. Военный руководитель испытаний осадил физика скабрёзным анекдотом про старика, старуху и границы полномочий ученых, дело которых – создавать оружие (Сахаров, 1996, с. 450–451). Академик Курчатov присутствовал на банкете. Альтшулер в те годы работал с Сахаровым. Знал ли он об этом столкновении войны и мира?

Притча Альтшулера завершается экзистенциальной кодой – десятилетиями жизни без большой войны. В Советском Союзе эту фигуру речи использовали (в том числе разработчики оружия) в качестве обоснования ядерного сдерживания и алиби наращивания ядерного потенциала: «Благодаря созданию за фантастически короткие сроки ядерного щита нашей Родины США лишились монополии <...> инструмент войны превратился в мощный фактор принуждения к миру потенциального агрессора, и вот уже <n+1> лет мы живем без войны» (Бриш, 2007, с. 254–255).

Этическая опасность этой конструкции, как показал Альтшулер, заключается в делегировании другому всей полноты милитаризма и, как следствие, в вынесении за скобки собственной безответственной воинственности. Смещаясь от ястребов к голубю, Альтшулер подытоживает: для сохранения мира необходим не только щит, но и общественный, международный, нравственный контроль за его создателями и пользователями «у нас и за рубежом».

В трех курчатовских откликах, зафиксированных свидетелями и соратниками, проступают мобилизационно-стратегический, хозяйственный и этический горизонты ответственного действия советского физика перед лицом высвобожденной ядерной энергии. Атомный императив регулирует действия и позицию того, кто, содрогнувшись, откликается на термоядерный взрыв спонтанным, а потом и все более осознанным выбором в пользу мирного атома. Эtos миролюбия здесь становится уже не пропагандистской константой, спущенной сверху, а выстраданным экзистенциальным открытием.

К истории 1955 г. Альтшулер добавляет коду, принадлежащую другому времени и порядку высказываний, усиливая нравственное звучание рассказа для коллег-бомбоделов. Губарев пересказывает эту историю в разных редакциях, в том числе – рабочих и солдат: «Я узнал о реакции И. В. Курчатова на испытание водородной бомбы. Один из участников работ рассказал, что “Борода” весь день был “какой-то странный” и неожиданно заявил: “Теперь на каждой бомбе можно нарисовать голубя мира”. Именно в эти дни И. В. Курчатov понял, что главное направление развития науки и техники – мирное. На испытания оружия он больше не ездил» (Губарев, 2013, с. 81).

Уроком стал осознанный выбор научного руководителя проекта в пользу мирного атома. Губарев монтирует альтшулеровскую историю про голубя на бомбе с дружеским свидетельством Александрова. Мемуар Александрова опубликовали в начале 1980-х гг. в «Науке и жизни», с которой сотрудничал Губарев, тогда как встречи с Альтшулером пришлось ждать еще десять лет, когда бомбоделы заговорили. Журналист начинает «Белый архипелаг Сталина» с одной из таких встреч. Он использует высокий стиль, рассказывая о явлении почти незрячего атомного старца²⁰, который дарит название книге²¹ и выступает моральным авторитетом. Но если на Александрова журналист дает прямую ссылку, то голубиная история остается скрытым цитированием Альтшулера. Почему? Да и зачем было Владимиру Губареву, человеку, знающе-

му и осведомленному, снова нарушать хронологию, монтировать в стертых рассказах бомбу с голубем, создавать фикцию условного авторства прямо в эпицентре рождения мирного атома?

Между чудом и чудищем

К истории испытаний РДС-37 Губарев добавляет аффект: «То, о чем я хочу рассказать, страшно. Очень страшно» (Там же). Описание трепета участников «опыта» перед нечеловеческим масштабом, разрушительной мощностью и невообразимостью водородной бомбы вводит читателя в порядок ядерного возвышенного. Конечно, журналист не использует этот термин, предложенный в середине 1990-х гг. [Ferguson, 1994, p. 5–6], как не говорит о технологическом возвышенном, разрабатываемом Дэвидом Наем²². Но он демонстрирует чувствительность к этой проблематике и помещает отцов советской термоядерной бомбы в ситуацию, которую Фрэнсис Фергюссон называет онтологическим парадоксом. Воочию наблюдая взрыв, Сахаров и Курчатова убеждаются, что результат их трудов грозит человечеству уничтожением.

В историю о бомбе встроен эпизод из конца 1970-х гг., когда в ходе беседы с академиком Александровым на Байконуре Губарев узнает, что Анатолий Петрович никогда не бывал на ядерных полигонах:

- Хотя не буду скрывать, хотелось посмотреть своими глазами и на это чудище.
- Вы имеете в виду, что старт ракеты и ядерный взрыв – это не чудо, а чудище?
- А разве кто-то думает иначе? – парировал Александров (Губарев, 2013, с. 79–80).

Один из главных научных журналистов страны, наблюдавший за запуском ракеты в обществе президента АН СССР, в те годы руководил отделом науки в «Правде», специализировался на атоме и космосе, был осведомлен и допущен. Но, даже назвав раздел книги «Не чудо, а чудище...», он не заметил, что его собеседник вступил в диалог с пионерами атомного века.

Физик-экспериментатор Герберт Андерсон, 2 декабря 1942 г. осуществлявший пуск первого в мире реактора под руководством Энрико Ферми, в поэтическом описании исторического события назвал атомный котел «молчаливым чудищем, извергающим нейтроны» в тот самый момент, когда человек «открывает двери в атомный век» [Лэнн, 1959, с. 55]. Для массовой аудитории эту историю пересказал коллега Андерсона по Манхэттенскому проекту. А в переводе Бориса Рубальского готический *monster*²³ стал сказочным «чудищем».

В чем Губарев разбирался, так это в символической возгонке советского атома, у истоков которой он стоял. В начале 1960-х гг. будущий «первооткрыватель атомной отрасли для общества» и ее «доверенное перо» вместе с Ярославом Головановым писал для «Комсомолки» о чудесах науки. По публикациям о физиках-лириках его заметил атомный министр, которому нужен был «парень», способный написать «о самом достойном человеке»: «А о Курчатове тогда еще ничего не было. Имелись только тексты его выступлений с трибун, в газетах, и все. А шел 1961 год. Курчатова уже год как не стало. И я спрашиваю: “Как же я напишу?” <...> Славский говорит: “Поезжай в Институт атомной энергии к Анатолию Петровичу. Он поможет”. <...> Александров поочередно вызывал полтора десятка человек, работавших с Курчатовым. <...> И после этого появился... “Прометей атомного огня”» (Сычев, 2022).

Прометей был культурным героем физиков и химиков атомного века, похищающих у природы энергию. В СССР эта идентификация подкреплялась оценкой, которую «самоу благодарному святому и мученику в философском календаре» дал Маркс (Серебрякова, 1963). Начиная сотрудничество со Средмашем с похищения Курчатова у режимного беспамьяства, Губарев оформлял присутствие отца-основателя в дискурсе и вписывал себя в прометеевский миф. В его ранних публикациях о мирном атоме были и очарованность масштабом атомных инфраструктур, и линза возвышенного, через которую исследовательский стенд выглядит не то сооружением звездных пришельцев, не то «атомным вулканом». Журналист собрал каркас для мощных эмоций, которых ждали от современников в сложных технологических средах. Это был настрой на восторг и трепет перед лицом неизвестного без ужаса и почтения к нему. Дэвид Най допускал, что разные технологии вступают в разные отношения с возвышенным [Nye, 1994, p. 133]. Разные политические и семиотические режимы – тоже.

Социалистическое возвышенное эпохи атома, изобретаемое Губаревым, открывало искаателям доступ к *чуду*, оберегая от встречи с *чудищем*. Здесь царили романтика и эпистемический оптимизм, технофилия и доверие к преобразованию реальности. Тогда как ощущение опасности и нередуцируемого технологического риска, через которое Фергюсон поясняет ядерное возвышенное, отсутствовало. В разговоре с Александровым, о котором Губарев расскажет уже после Чернобыльской аварии (он освещал ее с мая 1986 г., выразив пережитое в пьесе-док «Саркофаг»), распада СССР (сопровожаемого угасанием технократического импульса) и рассекречивания архива Атомного проекта (по сути, вскрывшего милитаризм его участников), академик намекал на необходимость видеть чудище за обманчивым интерфейсом *чуда*. Участники ядерных испытаний драматически переживали встречу с ужасным ликом атома, но их опыт не мог быть артикулирован в технопоэтических дискурсах, вырабатываемых научной редакцией «Комсомолки». Уделом советского человека здесь оставалось чудо.

Сохранять гегемонию *чуда* было тем проще, чем энергичнее осознание разрушительной физической и моральной силы ядерных взрывов оттеснялось на периферию воображения. К нему возвращались, обличая виновников бомбардировки Хиросимы или живописуя драму американского разработчика ядерного оружия, как это было при подготовке к съемкам советско-американского фильма по роману Мэтью Уиллсона «Встреча на далеком меридиане» (РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 8. Д. 2315).

Соцромантическая модальность *чуда*, присущая дискурсивным перформансам мирного атома, и политическое вытеснение пугающей стороны применения ядерной энергии обеспечивали анестезию особого рода – примету советского атомного воображаемого и механизм его дискурсивного воспроизводства. Критикуя буржуазную тягу к комфорту в мирах потребления, СССР выбрал экзистенциальный комфорт, отказавшись от перманентной тревоги и осознанности в пользу идеологического или технологического обезболивания. Этот выбор был обусловлен (и оборачивался) отсутствием дискурсов, которые бы позволили артикулировать сложность советского атомного века. После смены политического режима, волн рассекречивания, формирования публичной сферы, девальвации советского официального миролюбия, утраты технооптимизма и демонтажа инфраструктур, обеспечивающих доступ к социалистическому возвышенному, это отсутствие стало еще более явным.

Химера Губарева. Вместо заключения

В этих обстоятельствах фигура Владимира Губарева и его усилия по сборке (пост)советского ядерного воображаемого приобретают особое значение. Журналист (писатель, просветитель, пропагандист и пиарщик), соединявший разорванные атомные миры, как нельзя лучше подходил на роль медиума. Он обеспечивал контакт расщепленных дискурсов и разрозненных исторических пластов, в отсутствие критических альтернатив изобретал языки, создавал репрезентации и озвучивал тех, кто в силу режимных ограничений остался без голоса.

Атрибуция атомного лозунга и приписывание его Курчатову из этой перспективы выглядят попыткой усилить стертую риторику и реактуализировать формулу советского официального миролюбия и для широкой аудитории (за счет обаяния персонализации), и для технократического цеха атомщиков (за счет ассоциации с ключевой символической фигурой и восстановления моральной инстанции). Тогда как перенос Курчатова вместе с лозунгом из 1955 г., где он пережил этическое преображение перед лицом РДС-37, в 1946 г., когда все только начиналось, стал переписыванием советской ядерной истории таким образом, чтобы мира и ответственного действия в ней стало больше. Симптоматично, что работа по протезированию ослабленной этики и подмороженного воображения производилась на фоне массового рассекречивания документов Атомного проекта, в которых было много войны, а противоядие – символическое, эпистемическое, политическое и этическое – отсутствовало. Если рассматривать попытку спасения, предпринятую Владимиром Губаревым, как писательский опыт, то на первый план выходит продолжение литературоцентричности русской культуры. Если же видеть в Губареве журналиста, значение обретает протезирование институтов и дискурсов, в СССР отсутствовавших и обеспечивавших его вступление в непростой порядок поздней современности.

Если допустить, что демонтаж официальных дискурсов эпохи позднего СССР состоялся, то обращение к списанному в архив императиву не имеет смысла. Однако инфраструктуры атомного века преподают очередной урок усложнения реальности. Российский инспектор МАГАТЭ обнаружил эту дискурсивную складку в 2004 г. в Корейском институте атомной энергии в Дайджоне: «Во время обеда в столовой я обратил внимание на надпись, выгравированную на пластине из нержавеющей стали “Атом для мира. Л. Ф. Эйзенхауэр, 7 декабря 1953 г.”, прикрепленную к стене в банкетном зале для почетных гостей. Когда мы вышли в общий зал, где обедают все сотрудники, там на стене была не менее помпезная надпись из такой же пластины из нержавеющей стали “Атом должен быть рабочим, а не солдатом. И. В. Курчатова”» (Пушкин, 2005).

Ретроспективное название речи, которое американский президент не использовал, здесь соседствует со словами, которые научный руководитель советского Атомного проекта не произносил. Означает ли это, что усилия по мирному использованию атомной энергии, заложенные в основу международного сотрудничества под эгидой МАГАТЭ, оказываются фикцией? Или же фикции, обладающие символической ценностью, необходимы, чтобы взаимодействие в мире, полном антагонизмов и ядерных угроз, было возможно?

Примечания

¹ Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ «ВШЭ».

² Вслед за Азифом Ага я говорю о дискурсивных фигурах, когда фиксирую сгущения дискурсивности, в которых проявляются глобальные уровни производства значения и порядки дискурса [Agha, 2005, p. 38–39]. Фигурации Норберта Элиаса я адаптирую к решению дискурсивных задач, чтобы ухватить пластичную связность единичного и множественного [Элиас, 2001, с. 9, 42].

³ Другое имя соответствовало территориальному принципу, которым руководствовались при назывании советских электростанций. Станция, возведенная на территории объекта «В», стала Обнинской АЭС в честь города, в который в 1956 г. был преобразован секретный поселок физиков.

⁴ К 1956 г. станцию перепрофилировали в лабораторию [см.: Фролов, 2020].

⁵ Критический пафос был направлен не только против разжигателей войны, но и против ушлых торговцев, перепродающих бомбу в атомных зажигалках, зубочистках, купальниках (см.: Захарченко, 1955, с. 28).

⁶ Модель *социотехнических воображаемых* Шейлы Ясановф и Санг-Хьюн Ким описывает ко-производство социального и технологического, характерное для модерности. Оно сконцентрировано в национальных проектах, задающих коллективное видение желаемого будущего, которое вписано в социальный порядок и воплощено в достижениях науки-техники [Jasanoff, Kim, 2009]. В 1950–1960-е гг. у советского социотехнического воображаемого был атомный контур [Josephson, 1996; Guth, 2015]. Однако желаемое будущее не ограничивалось «коммунизмом на атомной тяге», включая мирный атом, определяющий формы сосуществования в атомном мире [Калинин, Никифорова, Орлова, 2023].

⁷ Название, ставшее брендом, придумали журналисты. К речи Эйзенхауэра его добавили постфактум [Drogan, 2014, p. 951–952].

⁸ Речь Эйзенхауэра трактовали как орудие пропаганды, пробу нового языка ядерной дипломатии, средство улучшения имиджа американской ядерной программы, инструмент манипуляций советской стороной, старт борьбы за новые рынки ядерных знаний и технологий [Drogan, 2016; Hamblin, 2021; Krige, 2010; Spiering, 2011].

⁹ Текст письма был вынесен на голосование в Политбюро 21 июня 1955 г.

¹⁰ Как известно, Милан Кундера еще в 1978 г. описал на чехословацком материале политический механизм забвения, этот эффект «носа Здены», обеспечивающий исключение неудобных воспоминаний не только партийных функционеров, но и самоцензуру памяти самых отчаянных борцов с авторитарной системой [см.: Кундера, 2003].

¹¹ Оставлю в стороне независимое движение за мир, которое изучает Ирина Гордеева [Гордеева, 2013]. Пацифизм хиппи, религиозных общин и НТРовцев, возражающих против ядерного оружия, не пострадал от демонтажа советской идеологии, но и не стал широкой гражданской повесткой.

¹² Скульптура отсылает к библейскому пророчеству о воцарении вечного мира после второго пришествия, репрезентирует процесс перековки в соцреалистическом ключе и усиливает советскую политическую дидактику [Israel, 2020].

¹³ «Гудок», последовательно включавший атом в профессиональное воображение железнодорожников (будь это заметки о дипломных проектах атомовозов или позиция в кроссворде), был единственной центральной газетой, сделавшей этот перевод.

¹⁴ Вероятно, имеется в виду поэтический репортаж А. Рубиной с фотографиями А. Гостева. Атомный императив красуется на стене здания, а автор зовет эксплуатационников работать там, где «все дышит

миром» (Рубина, 1960, с. 28–29). Вот только репортаж опубликован в 1960 г., а не в 1963 г. Можно ли было купить старый «Огонек» на вокзале? А полистать в библиотеке санатория?

¹⁵ Казимир Летсгоученко откликается абсурдистской миниатюрой из жизни больших ученых на неподтвержденное, но столь желанное авторство: «Как-то раз И. В. Курчатов сказал без свидетелей: “Атом должен быть рабочим, не солдатом”» (Летсгоученко, 2008).

¹⁶ Лаборатория № 2 АН СССР – условное название головного института Атомного проекта, возглавляемого Курчатовым, а позднее носящего его имя.

¹⁷ Прозвище Курчатова, использовавшееся в качестве режимного псевдонима.

¹⁸ КБ-11 (ВНИИЭФ) – главный ядерный центр по разработке, конструкции и изготовлению атомной бомбы. 19 В августе 1953 г. испытывали первый водородный заряд РДС-6с. Наблюдатели вспоминают «общее сильное впечатление» от этого взрыва, его способность «морально подействовать на людей» и шок нерепрезентативности: он «не мог с чем-либо быть сравним» [Грешилов, Егулов, Матущенко, 2008, с. 147].

²⁰ Поражения сетчатки – профессиональное заболевание физиков-экспериментаторов, работающих с делящимися материалами.

²¹ Сеть секретных объектов, не являющихся шарашками, за колочкой которых жили и работали участники Атомного проекта, Альтшулер называл «белым архипелагом».

²² Най адаптирует категорию европейской эстетики для описания опыта существования в современных технологических средах, где уже не грозовой перевал, но плотина или ракеты вызывают переживание встречи с величественным и ужасным [Нуе, 1994].

²³ Атомное воображаемое обрело культурную форму в комментарии Дарры Найджел, студентки Ферми и Андерсона: «Я всегда представляла себе [атомный. – Г. О.] котел спящим злобным монстром. Да и оформление входа на трибуны [стадиона в Чикаго, где устроили первый реактор. – Г. О.] в готическом стиле больше подходило для какого-нибудь ужастика. А внутри суетились inferнальные фигуры с горящими красными глазами на черных, как смоль (от графита, конечно же), лицах» (Fermi Remembered, 2004. p. 166).

Список источников

- Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 2329. Оп. 8. Д. 2315.
Аграновский И. СССР – США: соревнование энергетики // Гудок. 1964. 26 ноября.
Александров А. Годы с И.В. Курчатовым // Наука и жизнь. 1983. № 2.
Альтшулер Л. «Судьба была благосклонна ко мне...» // История советского атомного проекта / отв. ред. В. П. Визгин. М.: Янус-К, 1998. Вып. 1.
Блохинцев Д. Дневники, 1955–1976. Дубна: ОИЯИ, 2023.
Бриш А. Атомный век. События, люди, дела // А.А. Бриш: статьи, документы, воспоминания / под ред. Ю.Н. Бармакова, Г.А. Смирнова. М.: ИздАт, 2007.
Быков И. Без единой ошибки. Посвящается 75-летию атомной отрасли [Электронный ресурс]. 2020. 17 августа. URL: <http://moovk.ru/archives/72708> (дата обращения: 10.02.2024).
Военный парад и демонстрация на Красной площади // Вечерняя Москва. 1959. 7 ноября.
Выступление Н.С. Хрущева на Генеральной ассамблее ООН // Известия. 1959. 19 сентября.
Грешилов А., Егулов Н., Матущенко А. Ядерный щит. М.: Логос, 2008. 421 с.
Губарев В. Белый архипелаг Сталина. Документальное повествование о создании ядерной бомбы, основанное на рассекреченных материалах «Атомного проекта СССР». М.: Молодая гвардия, 2004.
Губарев В. Прощай, XX век! Тайны Лунного проекта // Литературная газета. 2002. 20 февраля.
Губарев В. Супербомба для супердержавы. Тайны создания термоядерного оружия. М.: Алгоритм, 2013.
Емельянов В. С чего начиналось. М.: Советская Россия, 1979.
Емельянов В. Таким я его знал // Воспоминания об И.В. Курчатове. М.: Наука, 1988.
Журавлев П. Мой атомный век: о времени, об атомщиках и о себе. М.: Хронос-пресс, 2003. 464 с.
Жучихин В. Подземные ядерные взрывы в мирных целях. Снежинск: Изд-во РФЯЦ – ВНИИТФ, 2007.
Записка В.А. Малышева, Б.Л. Ванникова, А.П. Александрова, Д.И. Блохинцева с предложением ознакомления широких кругов общественности с устройством атомной электростанции // Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б)-ВКП(б)-КПСС / отв. сост. В.Ю. Афиани. М.: РОССПЭН, 2010. Т. 2.
Заседание Верховного Совета СССР. Прения по докладу Н. Хрущева // Правда. 1960. 16 января.
Захарченко В. Мирный атом // Огонек. 1955. № 45. С. 28–29.

- Игонин В. Атом в СССР: развитие советской ядерной физики. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1975.
- Кундера М. Книга смеха и забвения. М.: Азбука, 2003.
- Куликов С. И.В. Курчатова и воздушные ядерные испытания // История ВНИИА в лицах. М.: Кодекс, 2014. Т. 3. С. 276–287.
- Летсгоученко К. Анекдоты из истории науки [Электронный ресурс]. 2008. URL: <https://proza.ru/2008/05/16/281> (дата обращения: 12.02.2024).
- Лэпп Р. Атомы и люди / сокр. пер. с англ. Б. Рубальского; под ред. ген.-майора И. Соболева. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1959.
- Мартынов Л. Первородство. Книга стихов. М.: Молодая гвардия, 1965.
- Москва ликующая // Гудок. 1959. 10 ноября.
- Отклик миллионов сердец // Известия. 1959. 9 октября.
- Пишакин Г. Современные вопросы применения международных гарантий МАГАТЭ. Заметки бывшего инспектора // Бюллетень по атомной энергии. 2005. № 10. С. 47–53
- Рубина А. Пусть будет атом рабочим, а не солдатом // Огонек. 1960. № 41. С. 28–29.
- Сахаров А. Воспоминания. М.: Права человека, 1996.
- Серебрякова Г. Юность Маркса. М.: Гослитиздат, 1963.
- Сивинцев Ю. И.В. Курчатова и ядерная энергетика. М.: Атомиздат, 1980.
- Сивинцев Ю. Несколько встреч с Игорем Васильевичем // И.В. Курчатова в воспоминаниях и документах / отв. сост. Ю. Смирнов. М.: ИздАт, 2004. С. 248–255.
- Синев Н. Ново-Воронежская АЭС – в действии // Атомная энергия. 1964. № 17(5). С. 335–336.
- Скопин И. Воронежская атомная // Гудок. 1960. 16 июня.
- Сычев В. Владимир Губарев: «Мой ядерный репортаж был одобрен аж Политбюро» // РИА.Новости. 2022. 19 августа. URL: <https://ria.ru/20200819/1575969647.html> (дата обращения: 12.02.2024).
- Указания делегации СССР на Женевскую конференцию по мирному использованию атомной энергии // Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б)-ВКП(б)-КПСС / отв. сост. В.Ю. Афиани. М.: РОССПЭН, 2010. Т. 2.
- Чернышев А. Рабочее место атома // Известия. 1963. 22 марта.
- Ambrose S. Eisenhower. Soldier and President. New York: Simon and Schuster, 1991.
- Eisenhower D. Atoms for Peace Speech. 1953. Available at: Atoms for Peace Speech | IAEA (accessed: 10.02.2024).
- Fermi Remembered / ed. by J. Cronin. Chicago: University Chicago Press, 2004.

Библиографический список

- Гордеева И. Возникновение независимого мирного движения в СССР в 1980-е годы // Вестник РГГУ. Политология. История. Международные отношения. 2013. № 1. С. 214–224.
- Калинин И., Никифорова Н., Орлова Г. Советское энергетическое воображение: электричество, атом, нефть. СПб.: Астерион, 2022. 317 с.
- Мамедова А.О. Символы войны и мира в советском политическом плакате и карикатуре периода холодной войны // Вестник Моск. ун-та. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2013. № 1. С. 110–115.
- Орлова Г. Трактор в поле дыр-дыр-дыр, / Все мы боремся за мир»: советское миролюбие в брежневскую эпоху // Неприкосновенный запас. 2007. № 4. С. 70–88.
- Рис Н. Русские разговоры. Культура и речевая повседневность эпохи перестройки / пер. с англ. Н. Кулаковой, В. Гулиды. М.: НЛЮ, 2005. 358 с.
- Фролов Ю.В. История создания первой в мире АЭС: выбор проекта // Атомная энергия. 2020. № 1. С. 52–57.
- Холловэй Д. Сталин и бомба: Советский Союз и атомная энергия, 1939–1956 / пер. с англ. Б.Б. Дьяков, В.Я. Френкель. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1997.
- Элиас Н. О процессе цивилизации: социогенетические и психогенетические исследования / пер. с нем. А.М. Руткевич. М.; СПб.: Университетская книга, 2001. Т. 1. 330 с.
- Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М.: НЛЮ, 2014. 61 с.

- Agha A. Voice, Footing, Enregisterment // *Journal of Linguistic Anthropology*. 2005. No. 15(1). P. 38–59.
- Drogan M. The Nuclear Imperative: Atoms for Peace and the Development of US Policy on Exporting Nuclear Power, 1953–1955 // *Diplomatic History*. 2015. No. 40(5). P. 948–974.
- Ferguson F. The Nuclear Sublime // *Diacritics*. 1994. No. 14(2). P. 4–10.
- Guth S. One Future Only. The Soviet Union in the Age of the Scientific-Technical Revolution // *Journal of Modern European History*. 2015. No. 13(3). P. 355–376.
- Hamblin J. *The Wretched Atom: America's Global Gamble with Peaceful Nuclear Technology*. Oxford: Oxford University Press, 2021.
- Israel N. Serving Man: The United Nations Art Collection, Mid-century Modernisms, and the Apparition of Universality // *Modernism / Modernity*. 2020. No. 4(4).
- Jasanoff Sh., Kim S. Containing the Atom: Sociotechnical Imaginaries and Nuclear Power in the United States and South Korea // *Minerva*. 2009. No. 47 (2). P. 119–146.
- Johnston T. Peace or Pacifism? The Soviet Struggle for Peace in All the World, 1948–54 // *Slavonic and East European Review*. 2008. No. 86(2). P. 259–282.
- Josephson P. Atomic-Powered Communism: Nuclear Culture in the Postwar USSR // *Slavic Review*. 1996. No. 55(2). P. 297–324.
- Josephson P. *Red Atom: Russia's Nuclear Power Program from Stalin to Today*. University of Pittsburgh Press, 2005.
- Kinsella W., Collins A., Endres D. Communicating Nuclear Power: A Programmatic Review // *Annals of the International Communication Association*. 2005. No. 39(1). P. 277–309.
- Krige J. Techno-Utopian Dreams, Techno-Political Realities: The Education of Desire for the Peaceful Atom // *Utopia / Dystopia: Conditions of Historical Possibility* / eds. by M. Gordin, H. Tilley, G. Prakash. Princeton: Princeton University Press, 2010. P. 15–75.
- Nye D. *American Technological Sublime*. Cambridge: MIT Press, 1994.
- Schmid S. *Producing Power: The Pre-Chernobyl History of the Soviet Nuclear Industry*. Cambridge, MA: MIT Press, 2015.
- Spiering M. Atoms for Europe // *Spiering M., Wintle M. European Identity and the Second World War*. L.: Palgrave Macmillan, 2011. P. 171–185.

Дата поступления рукописи в редакцию 13.08.2024

KURCHATOV'S PIGEON: FIGURATIONS OF (POST)SOVIET NUCLEAR PEACEFULNESS

G. A. Orlova

National Research University Higher School of Economics (HSE University, Moscow), St. Basmanaya str., 24/4s1, 105005, Moscow, Russia

gaorlova@hse.ru

AuthorID: 230249

SPIN: 7041-5855,

The article discusses the rhetorical, political and ethical entanglements of the atomic age, embodied into a new understanding of the world, as well as into new fragilities and responsibilities. The author notes the epistemological challenges of exploring the discursive production of the peace in the USSR, which is identified as one of the most indoctrinated practices of late socialism. Through the lens of a single slogan, the author analyzes the indirect transitions between ethics and propaganda. The statement “Let the atom be a worker, not a soldier”, which appeared on the banners of demonstrators in the late 1950s and early 1960s and was attributed to the atomic supervisor Igor Kurchatov, became a Soviet atomic imperative and a key figure in the discourse of (post)Soviet atomic peacefulness. The author describes the figuration of the slogan in the context of the confrontation between two systems, nuclear diplomacy and the establishment of a global agenda for the use of nuclear energy for peaceful purposes. The USSR participated in this struggle by promoting the significance of the peaceful atom and defending its moral priority in the propaganda of this brand. The author focuses on the authorship of the statement and reveals its entanglement with the genealogy of morality and the development of an ethical position for a Soviet nuclear scientist between nuclear war and the peaceful atom. The article pays attention to the contribution of the science journalist Vladimir Gubarev to the retrospective restoration of the authorship of

the Soviet atomic imperative. By creating this discursive fiction, one of the main chroniclers of the Sredmash project simultaneously engaged in both propaganda and ethical work.

Key words: peaceful atom, Cold War, propaganda, nuclear ethics, nuclear sublime, sociotechnical imaginary, discursive figure, figurations, fiction of authorship, USSR.

Acknowledgments

¹ The reported study was funded by the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE University).

References

- Agha, A. (2005), "Voice, Footing, Enregisterment", *Journal of Linguistic Anthropology*, № 15(1), pp. 38–59.
- Drogan, M. (2015), "The Nuclear imperative: Atoms for Peace and the development of US policy on exporting nuclear power, 1953-1955", *Diplomatic History*, № 40(5), pp. 948–974.
- Elias, N. (2001), *O protsesse civilizacii: Sociogeneticheskie i psihogeneticheskie issledovaniya* [The civilizing process], vol. 1, Universitetskaya kniga, Moscow; St. Petersburg, Russia, 330 p.
- Ferguson, F. (1994), "The Nuclear Sublime", *Diacritics*, № 14(2), pp. 4–10.
- Frolov, Yu. V. (2020), "History of the creation of the World's first nuclear power plant: choosing a project", *Atomnaya energiya*, № 1, pp. 52–57.
- Gordeeva, I. A. (2013), "The emergence of the independent peace movement", *Vestnik RGGU. Seriya: Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya*, № 1, pp. 214–224.
- Guth, S. (2015), "One future only. The Soviet Union in the age of the scientific-technical revolution", *Journal of Modern European History*, № 13(3), pp. 355–376.
- Hamblin, J. (2021), *The Wretched Atom: America's global gamble with peaceful nuclear technology*, Oxford University Press, Nyw York, USA, 336 p.
- Israel, N. (2020), "Serving Man: The United Nations Art Collection, Mid-century Modernisms, and the Apparition of Universality", *Modernism / modernity*, № 4(4), available at: <https://doi.org/10.26597/mod.0139> (accessed: 01.08.2024).
- Jasanoff, Sh. & S. Kim (2009), "Containing the Atom: Sociotechnical Imaginaries and Nuclear Power in the United States and South Korea", *Minerva*, № 47 (2), pp. 119–146.
- Johnston, T. (2008), "Peace or Pacifism? The Soviet «Struggle for Peace in All the World», 1948-54", *Slavonic and East European Review*, № 86(2), pp. 259–282.
- Josephson, P. (1996), "Atomic-powered communism: nuclear culture in the postwar USSR", *Slavic Review*, № 55(2), pp. 297–324.
- Josephson, P. (2005), *Red Atom: Russia's Nuclear Power Program from Stalin to Today*, University of Pittsburgh Press, Pittsburgh, USA, 352 p.
- Kalinin, I., Nikiforova, N. & G. Orlova (2022), *Sovetskoe energeticheskoe voobrazhenie: elektrichestvo, atom, neft* [Soviet energetic imaginaries; electricity, atom, oil], Asterion, St. Petersburg, Russia, 317 p.
- Kinsella, W., Collins, A. & D. Endres (2005), "Communicating Nuclear Power: A Programmatic Review", *Annals of the International Communication Association*, № 39(1), pp. 277–309.
- Krige, J. (2010), "Techno-utopian dreams, techno-political realities: The education of desire for the peaceful atom", in Gordin M., Tilley H. & G. Prakash (eds.), *Utopia / dystopia: conditions of historical possibility*, Princeton University Press, Princeton, USA, pp. 15–75.
- Mamedova, A.O. (2013), "Symbols of War and Peace in Soviet Political Posters and Cartoons of the Cold War Period", *Vestnik Moskovskogo universiteta. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*, № 1, pp. 110–115.
- Nye, D. (1994), *American Technological Sublime*, MIT Press, Cambridge, MA, USA, 1994, 362 p.
- Orlova, G. (2007), "«Tractor in a field of holes-holes-holes, We are all fighting for peace»: Soviet peacefulness in the Brezhnev era", *Neprikosnovennyj zapas*, № 4, pp.70–88.
- Ris, N. (2005), *Russkie razgovory. Kul'tura i rechevaya povsednevnost' epohi perestrojki* [Russian talk: Culture and conversation during perestroika], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia, 358 p.
- Ryzhov, Yu.A. & M.A. Lebedev (2005), "Scientists of the Academy of Sciences in the Pugwash Movement", *Vestnik RAN*, № 6, pp. 491–497.
- Schmid, S. (2015), *Producing Power: The Pre-Chernobyl History of the Soviet Nuclear Industry*, MIT Press, Cambridge, MA, USA, 362 p.
- Spiering, M. (2011), "Atoms for Europe", in Spiering M. & M. Wintle, *European Identity and the Second World War*, Palgrave Macmillan, London, UK, pp. 171–185.
- Yurchak, A. (2014), *Eto bylo navsegda, poka ne konchilos'. Poslednee sovetskoe pokolenie* [Everything was forever, until it was no more: The last Soviet generation], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia, 615 p.